

Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек (О новом романе З. Прилепина)

Закрыв новую книгу Захара Прилепина «Обитель», то есть символически захлопнув за собой обложку-дверь и покинув воображаемое пространство романа, я ощутила себя так, будто бы только что завершила большую и сложную работу.

Чтение переросло в работу где-то на двухсотой странице (всего в романе около 750 стр.), или в тот момент, когда угас обычный читательский интерес, увязнув в бесконечном описании мерзостей лагерной жизни, перетряхивании вшивой одежды, борьбы с клопами, голодом и т.д. Однако решила дожать и дальше продвигалась уже небольшими порциями чтениями ложки по три в день. Нет, поначалу роман как раз таки затянул. Из трех книг, припасенных на долгие майские выходные (помимо «Обители» Прилепина взяла еще «Герду» Веркина и «Совсем иное время» Водолазкина), читабельной оказалась только «Обитель». Веркин и Водолазкин – авторы хотя и проверенные, но вот последние их произведения на меня не вдохновили, уж я не буду углубляться, почему.

События «Обители» происходят в конце двадцатых прошлого века на Соловках. Главный герой Артем Горяинов – молодой человек, который попал на Соловки вовсе не за контрреволюционную деятельность, а за убийство отца. Вот тебе, бабушка, и явно фрейдистский мотив, переведенный в бытовую плоскость (Фрейд вообще-то ни к чему такому не призывал). В романе мотив дополняется еще и символическим убийством Бога, то есть сокрушением фрески, обнаружившейся под слоем штукатурки в бывшей трапезной. Нет, сперва, только узрев открывшийся святой лик, герой впадает в нарциссическое самолюбование: «А ведь он на меня похож», это Бог-то. А то еще во время купания, разглядывая обнаженных сокамерников, Артем мимоходом отмечает: «Я здесь самый красивый». С легкой иронией, конечно, как еще недостаточно битый, молодой крепкий парень, которому – по причине этой природной силы и молодости – позволено чуть больше, чем другим.

И все же убийство отца даже в состоянии аффекта (сын застал отца голым с другой женщиной) – все равно убийство, за которым следует наказание. Однако герой на удивление мало переживает сей факт, да и о его долагерной жизни известно чрезвычайно мало. Вспоминает он в подробностях разве что одну пьянку, когда компания чуть не спалила дачу. (Видения червей и ракообразных, преследующие Артема, напоминают именно алкоголические синдромы). Видно, семья была не из бедных, а Горяинов-старший, возможно, даже занимал в иерархии совслужащих далеко не последнее место, так как сын считал его лучшим из людей – до известного случая. Но кто же такой Артем Горяинов? Чем занимался? Кого любил – в той, досюльной, жизни? Что читал, что умел делать? Может быть, автор считает все это неважным? Потому что в лагере прежний багаж абсолютно ничего не значит? Но разве могут внешние обстоятельства полностью стереть личность? Или же Захар Прилепин намеренно выбрал героем повествования человека в сущности невеликого?

Но ведь в главке «От автора» Прилепин объясняет, что историю Артема некогда рассказал его прадед, отсидевший своё на Соловках. Да ладно, создание характера – все же прерогатива автора, тут вольности допустимы, будто бы Прилепин этого сам не знает. Еще в процессе создания романа Прилепин признавался: «Я пишу роман «Обитель» – о Соловках. По-моему, это последний акт драмы русского Серебряного века. Во всяком случае, то, что заключенные писали в свой журнал – это последние тексты Серебряного века, прямое продолжение символистской и акмеистической традиции. Да и вообще, те люди, которых там увидел Горький, всюду искавший сверхчеловека, как раз и были сверхчеловеки, только он их не разглядел. Или разглядел?..»

Признаться, я тоже не разглядела. Напротив, в процессе чтения то и дело хотелось воскликнуть по поводу Артема: «Да что ты за чмо такое, дорогой товарищ!» Поэтому и буксует роман, что герой откровенно неинтересен, мелочен. На некотором этапе интерес подогревает любовная коллизия, связанная вдобавок с интересным поворотом в судьбе героя: в связи с подготовкой спартакиады героя переводят с общих работ на более легкий режим, да еще и подкармливают. Ну, как говорят у нас на Севере, — середка сыта, концы играют. Конец выиграл у Артема при виде вольнонаемной Галины. Вроде не красавицы, но выбор-то не велик, а герой разборчив и лагерными проститутками брезгует.

Эротику Прилепин пишет красиво. Без пошлости и даже с уважением к женщине. Может быть, поэтому Галина у него получилась гораздо интереснее и мощнее Артема. Не потому, что она при власти (бывшая подруга коменданта лагеря Эйхманиса притом), а именно по амплитуде

личности и силе характера. Она для Артема – если не Родина-Мать, которая карает и любит одновременно, то уж родная мамка точно. Он прилепляется к ее твердым соскам, как оголодавший младенец, и питается ее щедрыми дарами. Бессознательно Галина, вероятно, и принимает Артема как ребенка, который нуждается в ласке, еде и одежде. Мужчиной был Эйхманис, но он поиграл и бросил, а этот останется при ней, потому что *ребенок никогда не оторвется от матери*. В результате Артем отвергает собственную мать, которая приезжает к нему на Соловки. Он не хочет даже формально встретиться с ней. Не из-за того, что она связана с его преступлением, а из-за того, что зачем это теперь, собственно, если жизнь кое-как наладилась с другой мамкой.

Инфантилизм Артема проявляется и в странных развлечениях на Лисьем острове, когда ему доверяют сторожить питомник, в котором, помимо лис, разводят еще кроликов и морских свинок. Артем, заскучав, врывается в комнату со свинками, орет и громко хлопает дверью, намеренно пугая грызунов, которых в панике разбегают. Зачем? От скуки? От абсурдности бытия? А было ли у Артема на воле более рациональное занятие? Что он вообще умеет, на что способен, кроме сексуальных подвигов? В некоторый момент это поминает и Галина, именно что Артем – ничтожество. Но таковы уж по натуре сильные женщины, выбирающие слабых мужчин – им свойственно приписывать своим избранникам некие романтические качества, оправдывать их слабости обстоятельствами и т.д., до поры до времени, пока не наступает полное разочарование...

В романе вскользь и с некоторой иронией упоминаются ученые, которые и занимаются разведением животных, а также «добывают из водорослей мармелад», по выражению Артема. То есть агар-агар, поправим мы, который действительно вырабатывается из водорослей и используется в производстве мармелада. Ну так не дурью же маются люди, в конце концов. Находят достойное занятие и именно в труде обретают внутреннее оправдание своего сидения на Соловках. Труд действительно спасает! Хочется вспомнить соловецкого сидельца Павла Флоренского, который именно на Соловках разработал препарат йод-актив, он до сих пор активно продается в наших аптеках...

Нет, о Флоренском надо сказать отдельно. Попал он на Соловки чуть позже Артема Горяинова, в начале тридцатых, расстрелян в тридцать седьмом. Захар Прилепин безусловно знаком с текстами Флоренского – те самые слова о том, что лабиринты связаны с культом умерших и что они воспрепятствуют душе выйти наружу, которые в романе вложены в уста сокамерника Артема Горяинова, практически процитированы из письма Флоренского с Соловков. Есть в романе и «владычки», в целом люди стойкие, однако нет ни одной фигуры, равновеликой «русскому Леонардо» Павлу Флоренскому, как нет и собственно духовности. А ведь именно это качество побуждает человека искать не только благ жизни, но также и смысловой глубины. Но может ли быть какой-то иной смысл в сидении на Соловках, кроме «революционной перековки», о которой писал Горький?

Известно, что в 1934 году отцу Павлу Флоренскому, соловецкому узнику, предложили выехать в Чехию с разрешения советского правительства. Семья Флоренского была счастлива, жена Анна Михайловна съездила к нему в лагерь, дабы передать эту радостную весть, а он... отказался. И это был единственный случай, когда узник отказался покинуть Соловки. Но почему? Потому ли, что он рассматривал свое пребывание в лагере как путь ко Христу, а не как результат необоснованных репрессий. А может, на Соловках именно и проступило истинное бытие, очищенное от мирской суеты, как именно под слоем штукатурки проступает лик Спасителя. Икона – окно в вечность. Если это окно приоткрывается, человек искренне верующий с легким сердцем принимает страдание. «Удел величия – страдание, – писал Флоренский о Пушкине, подразумевая и собственную судьбу. – Страдание от внешнего мира и страдание собственное, от самого себя. Так было, так есть, так и будет. Почему это так – вполне ясно, это отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие и есть отличие от средних характеристик общества и собственной организации. Поскольку она принадлежит обществу... Ясно, что свет устроен так. Что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и суровее страдания».

Почему же Захар Прилепин прошел мимо этого человечищи, да и мимо самой темы искренней веры? (Эпизод публичной исповеди под звук колокола в романе оборачивается фарсом: вертухай нацепил колокол собаке на шею, и вот она описывает круги вокруг трапезной). Только ли потому, что Соловки даны глазами «карлика» Артема Горяинова, который видит клопов, которые кусают, но не заметит беркута, в полнеба распахнувшего крылья, в небо Артем как раз редко смотрит... Артем? Или сам автор Захар Прилепин? Почему вообще такая махина, как

Соловки с их разнообразными сидельцами, представлявшими буквально все слои российского общества, до- и постреволюционного, описаны одним рассказчиком, мелкой нарциссической личностью, ведь сам жанр романа дает возможность взглянуть на события разными глазами? Или такой задачи не ставилось вовсе? Но ведь автор сам заявил, что пишет роман о последнем акте Серебряного века. А русская религиозная философия на пути к богочеловеку – и есть его органическая часть. Соловецкие «владычки», представленные в романе в общем-то с симпатией, – это мелкая поросль у ног такого гиганта, как Павел Флоренский. В результате картинка получается плоской, а сама попытка передать объем на плоскости – дело изначально зряшное, это, кстати, тоже Флоренский сказал, правда, по поводу живописи, а не литературы, однако прямая аналогия напрашивается. Мне представляется так, что Захар Прилепин по-человечески меньше своего писательского таланта, отсюда и мелочность его героя, и явное нежелание замечать титанов.

Для того чтобы взяться за образ, равновеликий Павлу Флоренскому, писатель должен хоть немного подрасти сам до уровня этого великомученика, который в обратной перспективе времени становится все больше и больше. Только представьте, у человека отняли все, что только можно отнять – семью, честное имя, свободу, о пропитании я уже не говорю, а он, находясь среди черни, сволочи и откровенной уголовщины, еще разрабатывает новое лекарство, чтобы эта самая сволочь счастливо плодилась и размножалась дальше... С точки зрения житейского здравого смысла — абсолютно иррациональное поведение. Но ведь и логика Бога отлична от человеческой. Впрочем, я слишком много хочу от современной литературы.

А вообще «Обитель» почитать стоит. Хотя бы ради того, чтобы быть в теме. И может быть, высказать свое мнение. Я уверена, что роман будут и расхваливать, и ругать, и премию «Большая книга» он в результате получит. И может быть, даже закроет тему Соловков в современной русской литературе, хотя по-настоящему ее еще никто и не пытался разработать. Ведь, помимо Флоренского, через Соловки прошли и Алексей Лосев, и Дмитрий Лихачев, который во время отбывания наказания опубликовал в местной газете первую научную работу «Картёжные игры уголовников». Лихачев вообще называл Соловки главным своим жизненным университетом. Это как раз свидетельствует о том, что личность масштабная не теряет интереса к миру в самых страшных условиях и способна, пропустив через себя, облагородить любой отрицательный опыт. До сих пор в тени остается и фигура автора идеи трудовой перековки Нафталия Френкеля. В романе Френкель появляется только однажды как эпизодический персонаж, а ведь он с полным правом может претендовать на звание сверхчеловека, правда, с отрицательным знаком... Однако боюсь, что после «Обители» тема Соловков в русской литературе, повторюсь, будет считаться официально закрытой.

Яна Жемойтелите, сотрудник НБ РК